

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.16>

UDC 72(091):75.052
LBC 85.113(0)4

Submitted: 27.03.2022
Accepted: 05.07.2022

SOME GEOMETRICAL MOTIFS IN CAUCASUS AND IN CAPPADOCIA IN THE MIDDLE AGES: MEDITATIONS ABOUT ITS ORIGIN AND INTERPRETATION

Ekaterina Yu. Endoltseva

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Danil V. Shevchenko

Institute of Foreign Languages of Shenyang Normal University, Shenyang, China

Abstract. *Introduction.* The article deals with the frescoes of the specific style “red signs” on the rock. They were widespread in the architectural monuments of Cappadocia. The focus of the research is the motifs of triangular and rhombus (with the dots inside and without it) between the 9th and 10th centuries. *Methods.* These motifs are compared to the similar images on the stone reliefs (architectural decoration) from the territory of the Northern Caucasus and Western Georgia of the medieval period. A certain number of common features are underlined and studied. *Analysis.* In both situations the representations are made in primitive planar graphic style with the minimal set of technical means. The iconographical repertoire is rich in zoomorphic images (their biological identification is difficult to determine), geometrical signs, and rosettes. The origins of the motif are traced back up to the ancient cultures in Asia Minor, Caucasus and the Near East. Its development is shown by means of ethnographical witnesses. *Results.* In conclusion, there is supposition that the permanent presence of the motif in sacral and traditional every day culture of the Northern Caucasus and Western Georgia is due to the influence of the Koban-Colchis cultural and historical community. In medieval Christian culture, it could have function of apotropeia. So, the article deals with the specific aspect of very interesting theme that is the culture of the barbaric periphery of the Byzantine empire in the period between 9th and 10th centuries.

Key words: Cappadocia, Northern Caucasus, zoomorphic images, geometrical motifs, architectural decoration, frescoes, Byzantine empire, barbaric periphery.

Citation. Endoltseva E. Yu., Shevchenko D. V. Some Geometrical Motifs in Caucasus and in Cappadocia in the Middle Ages: Meditations About Its Origin and Interpretation. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 6, pp. 255-275. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.16>

УДК 72(091):75.052
ББК 85.113(0)4

Дата поступления статьи: 27.03.2022
Дата принятия статьи: 05.07.2022

НЕКОТОРЫЕ ГЕОМЕТРИЧЕСКИЕ МОТИВЫ НА КАВКАЗЕ И В КАППАДОКИИ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ИХ ИСТОКАХ И СМЫСЛЕ

Екатерина Юрьевна Ендольцева

Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация

Данил Викторович Шевченко

Институт иностранных языков, Шэньянский педагогический университет,
г. Шэньян, Китайская Народная Республика

Аннотация. В статье рассмотрены росписи специфического стиля, когда изображения выполнены красными линиями по белому фону, штукатурке или прямо на плоскости стены. Они встречаются в архитектурных памятниках Каппадокии IX–X веков. Акцент сделан на мотив треугольников и ромбов с точками внутри и без них. Проведены аналогии с похожими мотивами на рельефах с территории средневекового Северного Кавказа и западной Грузии. Выделен ряд общих признаков: изображения обычно выполнены в примитивном плоскостно-графическом стиле, образ создается при помощи минимального набора технических средств. В иконографическом репертуаре – изображения животных, биологическую принадлежность которых зачастую сложно определить, геометрические знаки, розетки. Прослежены истоки этого мотива в более древних культурах Малой Азии, Кавказа и Ближнего Востока и их развитие в этнографическом материале. Сделано предположение, что на устойчивое присутствие этих знаков в сакральной и традиционно-бытовой культуре Северного Кавказа и Западной Грузии оказала влияние кобано-колхидская культурно-историческая общность. Таким образом, в статье затронут специфический аспект такой обширной и мало изученной темы, как культура варварской периферии Византийской империи в средневизантийский период. *Вклад авторов.* Е.Ю. Ендольцева собирала материал относительно памятников, происходящих с территории Кавказа, и анализировала изображения при помощи методов, применяемых в классическом искусствознании. Д.В. Шевченко исследовал материал, происходящий с территории Каппадокии.

Ключевые слова: Каппадокия, Северный Кавказ, зооморфные образы, геометрические мотивы, архитектурная пластика, фрески, Византийская империя, варварская периферия.

Цитирование. Ендольцева Е. Ю., Шевченко Д. В. Некоторые геометрические мотивы на Кавказе и в Каппадокии в эпоху Средневековья: размышления об их истоках и смысле // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 6. – С. 255–275. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.6.16>

Введение. Данное исследование продолжает серию публикаций авторов, посвященных синкретическим образам в христианском искусстве эпохи Средневековья, на Кавказе и в Каппадокии [4; 15; 16; 5; 6; 9; 7; 8]. В этом контексте уже были рассмотрены мотивы рогатых черепов (быка и барана), символа плодородия, изображения гибридных зооморфных существ, змей и рыб. Однако существенный пласт нефигуративных абстрактных образов (геометрические, растительные, плетеные ленточные орнаменты и разного рода розетки) пока еще не был подробно проанализирован с этой точки зрения. Поводом для изложенных ниже соображений послужило, с одной стороны, обнаружение ряда малоизвестных ранее фресковых росписей с территории Каппадокии, сделанных в так называемом примитивном стиле (изображения красными линиями по белому фону, по штукатурке или прямо на плоскости стены) (в ходе осмотра памятников группой специалистов во главе с Д.В. Шевченко, в которую входили историки, археологи и искусствоведы). С другой (и это напрямую связано с первым событием) – необходимость объяснить обилие таких геометрических фигур как ромбы, квадраты (с точками и без них), а также их усеченных версий (в виде треугольников и треу-

гольников с точками) на некоторых памятниках христианского искусства, происходящих с территории Кавказа и Каппадокии. Наличие сходных мотивов, объединенных зачастую общими стилистическими и иконографическими признаками, а также временными рамками заставило поставить вопросы об общих истоках и характере культурного взаимодействия между двумя регионами в рассматриваемый период. Последнее, в свою очередь, позволяет коснуться такой важной, но пока плохо изученной темы, как культура варварской периферии Византийской империи и особенности ее становления (на примере визуальных образов) во взаимодействии с некоторыми регионами так называемого Христианского Востока в период Македонской династии.

Методы. Методологическая возможность проследить эволюцию определенного мотива с эпохи неолита (в некоторых случаях) вплоть до, по крайней мере 60-х гг. XX в., а то и до наших дней (в традиционно-бытовой среде) в регионах, характеризующихся консерватизмом материальной культуры [13, с. 18–19] (к каковым, безусловно, относится Кавказ и, возможно, также Каппадокия) была обоснована в статьях авторов этого исследования, посвященных зооморфным образам (бычья голова, голова барана) и символу пло-

дородия [3; 7; 6; 15]. Интересный пример культурологического исследования миграции образа и трансформации его значения в зависимости от исторического контекста дает также фундаментальный труд С. Кюн, посвященный дракону в средневековом искусстве восточно-христианского и исламского мира [26]. А.К. Амброз, в свою очередь, проследил трансформацию значения раннеземледельческого культового символа «ромб с крючками» с эпохи неолита вплоть до недавнего времени [1].

Принцип изложения материала в предлагаемом эссе связан с поставленными выше вопросами. Сначала будет представлено до-сье, касающееся изображений заявленных мотивов (ромбы, квадраты, треугольники с точками и без них) в каменной пластике Кавказа эпохи Средневековья и на некоторых фресковых росписях из Каппадокии того же времени, затем – попытка проследить истоки мотива на более ранних, насколько это возможно, артефактах. Этнографические данные XVIII–XX вв. помогут прояснить значение выявленных знаков. Анализ выразительных средств, стилистических и иконографических особенностей изображений, их возможного семантического значения призван поставить вопрос о характере культурных контактов между двумя регионами.

Анализ. При создании некоторых фресковых росписей, происходящих с территории Каппадокии, были использованы скупые изобразительные средства. На белом фоне красной линией обозначены контуры фигур. Набор сюжетов и мотивов зачастую крайне ограничен и сводится к лаконичным геометрическим фигурам: ромбы, квадраты, треугольники с точками и без них. К примеру, на плоскости стены нефа верхнего яруса Храма с колоннами в Гереме имеется орнаментальный пояс (на уровне пяты арки), составленный из пересекающихся диагональных линий, которые образуют сеть ромбов с точками внутри. Нижняя часть этого пояса дополнительно украшена волнистой и зигзагообразной линией (попеременно) (рис. 1). Далее этот узор разделяется на две орнаментальные полосы, каждая из которых составлена из треугольников с точками внутри (рис. 2) с сохранением зигзагообразной и волнистой линии вдоль

нижней кромки. В нижнем ярусе этой же церкви над входом в нартекс в такой же лаконичной манере изображен крест (рис. 3). Портал, над которым представлен крест украшен также орнаментальным поясом, составленным из треугольников с точками внутри. Плоскость ниши над крестом расчерчена прямоугольниками и квадратами. Там же, в Гереме, в долине Киличлар имеются и другие культовые объекты, украшенные похожим образом. Один из них почти полностью разрушен (рис. 4). Сохранилась ниша, украшенная в верхней части фигурами ромбов, квадратов, прямоугольников, треугольников неправильной формы с большим количеством точек внутри, расставленных хаотически. Выразительные средства, как и в предыдущем примере, предельно скупы: красные линии (не всегда ровные) на белом фоне. Там же имеется изображение круга, отдельного внутри двумя линиями на четыре сектора (с точками внутри).

В некоторых случаях орнаментальная рамка, составленная из треугольников и треугольников с точками, обрамляет более сложные композиции и мотивы (разного рода кресты и розетки). Так, например, в том же месте (Гереме, долина Киличлар) частично разрушенный культовый объект без названия украшен в той же манере (рис. 5): по белому фону красными линиями. Пята арки обозначена орнаментальным поясом, составленным из треугольников с точками. В простенке – в квадратных нишах изображения крестов в верхнем ряду, а в нижнем – розетки тоже квадратной формы. Каждый из рядов обрамлен орнаментальной лентой, составленной из треугольников и треугольников с точками. Из того же элемента орнамента (треугольник с точкой) составлена плохо идентифицируемая зооморфная фигура (рис. 6), которая украшает парус еще одного частично разрушенного культового объекта в той же долине близ Гереме.

Равнобедренный треугольник небольшого размера становится основной композицией для рамки, окантовывающей круг, разделенный на четыре сектора с изображениями крестов в каждом (рис. 7), найденный в еще одном полуразрушенном культовом объекте близ Гереме (та же долина). Такой же орнамент опоясывает два медальона с изображе-

ниями крестов на парусах по обе стороны ниши с изображением третьего креста большего размера в монастырском комплексе Киличлар Дерге тоже около Гереме. Другая ниша в этом же комплексе украшена изображением креста, у подножия которого видна фигура кошачьего хищника (возможно, льва). Нижний край этой композиции также обозначен орнаментальным фризом из треугольников.

В некоторых случаях (не только в технике фрески, но и в технике резьбы, в рельефе) из треугольников составлена не только орнаментальная рамка, но и средник со значимым символом (таким, как крест). Примером такого рода служит рельеф с крестом в медальоне и фрагментом фриза из храма в долине Зельве.

Вход в храм Иоанна Предтечи в Чавушине украшен важными знаками, значение которых подчеркивается монументальными геометрическими фигурами. Вместо крестов в центре трех композиций – розетки (рис. 8). Центральная – окружена тройным рельефным кольцом, расположенным в средокрестии рукавов креста, который, в свою очередь, также заключен в тройное рельефное кольцо. По обе стороны от центральной композиции – две одинаковые розетки, также заключенные в рельефное кольцо, повторенное четыре раза. Каждая из этих розеток помещена в монументальный ромб, обозначенный орнаментальной лентой, составленной из равнобедренных треугольников небольшого размера.

Время создания этих памятников вызывает дискуссии. Зачастую из-за отсутствия письменных источников и археологических данных (в большинстве случаев раскопки не проводились) датировать памятники остается лишь по косвенным признакам (стилистические особенности изображений, палеография надписей и т. д.), которые, учитывая архаические черты и консерватизм материальной культуры в Каппадокии, могут приводить к условным и не всегда основательным выводам. В целом, по словам Р. Остерхута, «недавние исследования позволяют предположить культурный разрыв в регионе между поздним VII и серединой X в., вызванный арабскими нашествиями» [28, р. 92]. Подробная история исследований памятников Каппадо-

кии, а также обзор новых методов их датировки изложены в статьях К. Жоливе-Леви [24; 25]. Среди большого количества ученых, которые проявляли интерес к этим памятникам, следует прежде всего упомянуть работы Г. де Жерфаниона [22], Н. Тьерри [31], Н. Терятниковой [30], Л. Родли [29]. Однако упомянутые выше церкви и культовые объекты до сих пор исследовались меньше остальных. Самая детальная статья по красно-белым росписям в долинах Гереме и Киличлар выполнена в рамках программы исследований, проводимых с 2006 г. сотрудниками Университета Тускии (Италия) [18]. Некоторые аспекты изображений рассмотрены также Л. Брубакер [20] и К. Жоливе-Леви [23].

Итальянские исследователи, исходя из анализа некоторых зооморфных образов (свиная собака), склонны датировать росписи X–XI вв. [18, р. 16]. Храм с колоннами из Гереме до сих пор условно датировали не ранее второй половины VIII в., так как в нем была найдена арабская надпись (возможно, псевдокуфическое письмо). Хотя Н. Мелвани в своей статье, посвященной апотропеям и орнаментам в византийской скульптуре, отмечает, что появление арабских букв в византийских памятниках – это широко распространенное явление, которое можно фиксировать не ранее X в. [27, р. 139]. Другие культовые объекты из окрестностей Гереме исследованы очень плохо. Их условно можно отнести к раннему X веку. Монастырский комплекс Киличлар Дерге также, вероятно, можно отнести к X в., как и храм из долины в Зельве. Храм Иоанна Предтечи из Чавушина условно датируют VII–VIII веками.

Интересно, что именно среди изображений, относящихся к периоду возрождения художественных традиций после арабского нашествия (IX–X вв.), с территории Кавказа можно найти некоторые аналогии геометрическим мотивам из Каппадокии. Обычно орнамент из треугольников или ромбов с точкой внутри или без нее ставит смысловой акцент на значимых образах композиции. Некоторые примеры происходят с территории Грузии. Так, например, рельефное изображение головы быка на плите из Джегеты, Верхняя Сванетия (X в.), обрамлено геометрическими узорами, составленными по бокам из полусфер,

а сверху – из треугольников [21, p. 157, ill. 301]. Сама голова украшена на уровне рогов орнаментальным фризом, составленным из резных треугольников. На другой резной плите из той же церкви (рис. 9) на лбу быка изображен ромб, а рама, составленная из треугольников в разном сочетании, огибают изображение с трех сторон. В центре каждого из треугольников – точка [21, ill. 303].

На верхнем наличнике окна, украшающего восточный фасад церкви в Бавра (X в.), орнаментальный пояс, составленный из треугольников с точкой внутри, расположен над центральным образом композиции – сценой молитвы пророка Даниила во львином рву [21, p. 128, ill. 201]. Рамка или орнаментальный поясок, составленный из треугольников, присутствует и в ряде композиций, вырезанных на верхних наличниках щелевидных окон церкви св. Георгия из села Бза (X в.) (ныне – село Ахалсопели, Аджария). Так, на восточном фасаде изображение Даниила во львином рву обрамлено таким пояском с трех сторон [21, p. 152, ill. 282]. На западном фасаде этот элемент орнамента обозначает нижний край композиции с Распятием, Богородицей и ангелом [21, ill. 283]. На южном фасаде той же церкви композиция с изображением трех птиц обрамлена рамкой, составленной из треугольников, с трех сторон [21, ill. 284]. Такой же орнаментальный пояс обрамляет круглое окно и расположен над ним на фасаде церкви в Мушевани (IX в.) (рядом с окном – фигура с крестом и кадиллом) (рис. 10) [21, ill. 188]. На восточном фасаде церкви в Убиси (Имерети) (рис. 11) рельеф с изображением льва обрамлен с обеих сторон дополнительными орнаментальными лентами, составленными из ромбов с точками внутри [21, ill. 191].

Рассматриваемые геометрические мотивы украшают и некоторые церкви этого времени (IX–X вв.) на территории современной Республики Южная Осетия. К примеру, орнаментальный пояс, состоящий из треугольников, виден на фрагменте капители колонки из Додота (нач. X в.) [11, с. 58]. Этот же мотив встречается и на резных блоках из церкви св. Георгия в Эреде [11, с. 67] (нач. X в.). Так, резной орнаментальный фриз, составленный из ромбов, украшает колонну южного входа на середине длины.

Похожий орнамент украшает и некоторые резные блоки из Тбета, вмурованные ныне в стенку больницы в г. Цхинвал (X в.) [11, с. 68]. Так, на одном из блоков центральная часть композиции состоит из треугольников большого размера, обрамленная сверху и снизу узкими лентами из треугольников небольшого размера. На другом блоке, представляющем собой фрагмент наличника окна, центральная часть композиции выполнена ленточным орнаментом из переплетающихся кругов большего и меньшего диаметра. Как и в предыдущем случае, тонкие орнаментальные ленты из треугольников небольшого размера обрамляют центральную часть сверху и снизу. На третьем резном блоке из Тбета (рис. 12) (также фрагмент наличника окна) в центральной части композиции – орнаментальные розетки, составленные из ленты плетения в две полосы. Треугольники небольшого размера в два и даже в три ряда так же, как и в двух предыдущих случаях окаймляют центральную композицию снизу и сверху.

Треугольники и ромбы с точками большого размера встречаются и на резных блоках из Касагина (X в.) [11, с. 82]. На одном из двух блоков, вмурованных в стену заброшенной школы, виден только орнаментальный фриз из треугольников большого размера с точками внутри (рис. 13), на втором – орнаментальный фриз из ромбов большого размера с точками расположен над изображением льва и грифона [5].

Конечно, рассматриваемые мотивы широко распространены по всей территории Кавказа и за его пределами. В большинстве случаев, однако, они имеют более выраженный декоративный характер. Из хронологически близких памятников можно упомянуть изображения на фасадах собора свв. Петра и Павла в Татеве, Армения (нач. X в.). На северном фасаде, к примеру, сакрально значимый образ, имеющий, видимо, дохристианское происхождение (над щелевидным окном – изображение головы с двумя змеями), обрамлен широким орнаментальным поясом, одна из полос которого составлена из треугольников.

Орнаменты из треугольников или ромбов встречаются в этот период (VIII–X вв.) на сакральных объектах, связанных не только с христианской религией. Они в изобилии встре-

чаются на памятниках, происходящих с территорий, которые, как и Кавказ, в свое время составляли часть эллинистического мира [10].

Укажем лишь на некоторые из самых значимых примеров. Так, например, основой орнаментального оформления (нефигуративно и строится на сочетании геометрических фигур) мавзолея Саманидов в Бухаре (первый купольный мавзолей кубической формы, положивший начало этой архитектурной традиции в Средней Азии) (рубеж IX–X вв.) служит ромб и квадрат. Это заметно как в экстерьере, так и в интерьере здания. Композиция из треугольников и фигур, составленных из разных по размеру квадратов и ромбов, украшает северный портал мавзолея. Верхняя часть северной стены украшена композицией из ниш. Колонны некоторых из них оформлены треугольными мотивами. В украшении фронтона южного портала мавзолея также используется орнаментальная схема, основанная на сочетании ромбов, квадратов и треугольников. Та же схема прослеживается и в интерьере мавзолея. Считается, что на облик этого здания оказали влияние некоторые особенности оформления зороастрийских храмов огня.

Та же тенденция прослеживается и в украшении оссуариев VI–VII вв., найденных на городище Афрасиаб [17] в современном Самарканде. Вероятно, появление этих оссуариев связано с населением города, исповедовавшим зороастризм, или с христианами-несторианами. Так, фрагмент одного из оссуариев из коллекции Музея истории основания Самарканда «Афросиаб» (Афрасиаб) украшен орнаментом, основанным на сочетании треугольников большого размера и кружков (точек) с крестами. Треугольники с кружками или кресты, составленные из треугольников, появляются и на других фрагментах. Встречаются также фрагменты оссуариев, украшенные тонким фризом из треугольников небольшого размера.

В целом геометрический орнамент, как известно, широко распространяется на Ближнем Востоке с приходом арабов. Одним из ярких примеров может служить декоративное убранство (мозаики) зимней резиденции халифа Хишам ибн Абдул-Малик (724–743 гг.) под Иерихоном. Геометрические знаки в изобилии

встречаются и на позднеантичных мозаиках, в том числе тех, что происходят с территории Малой Азии и Верхней Месопотамии (Антандрос, римская вилла, III в. н. э., Зеугма).

Использование ромбов, треугольников, квадратов с точками в качестве элементов геометрического орнамента часто встречается на христианских памятниках с территории Кавказа и Каппадокии и в раннехристианский период. Из многочисленных примеров упомянем лишь некоторые. Так, например, круглое обрамление рельефного равноконечного креста из церкви св. Сергия в Гереме (VI–VII вв.) выполнено на основе мотива треугольника с точками [23] внутри.

В оформлении усыпальницы св. Григориса в монастыре Амарис (кон. V в.) (Нагорный Карабах) также присутствует мотив треугольников. Ромбы с точками присутствуют и в резном украшении церкви Ванкасар (капитель VII в.) близ Тигранокерта.

Эти же геометрические мотивы активно используются в оформлении христианских церквей на Кавказе и в более позднее время. В некоторых ситуациях они, как кажется, сохраняют свое сакральное значение, а иногда теряют его, оставаясь лишь декоративным элементом.

Так, например, на некоторых хачкарах с территории Армении сакральное значение рассматриваемых мотивов выходит на первый план. На хачкаре из Лика (Суник, 1517 г.) в верхней части композиции процветший крест с обеих сторон обрамлен розетками в круглой рамке, составленной из треугольников небольшого размера [19, р. 377]. На двух хачкарах из Татевы фигурирует сфера, составленная из треугольников небольшого размера. В одном случае две такие сферы венчают ростки у подножия процветшего креста, а в другом – она помещена под крестом на месте, где обычно изображается голова Адама.

Этот же мотив используется как чисто декоративный в изображении архитектурных элементов в сцене Гостеприимства Авраама на миниатюре из Евангелия 1316 г. (Матенадаран) (ms 4818, fol. 5v) [19, р. 341, fig. 1] и в рельефном украшении церкви Сурб Карапет (Нораванк, 1216–1227).

Однако в еще более позднее время в некоторых церквях в глухих горных районах

(территория современной Южной Осетии) рассматриваемые мотивы появляются на фасадах как некий знак, не совсем связанный с общей композицией. Вероятно, в таких случаях он имеет значение оберега, но это, как будет показано ниже, скорее всего связано с влиянием традиционной бытовой культуры. Примеры такого рода встречаются на фасадах поздней церкви в Дисеве (XVIII–XIX вв.). В одном случае рамка, составленная из треугольников небольшого размера, обрамляет щелевидное окно на фасаде, в другом – такое же окно на барабане (выполнена крестообразно). Имеются также орнаментальные вставки на фасаде в виде розетки в обрамлении рамки из треугольников и прямоугольной плиты, украшенной небольшими треугольниками в качестве фона, на котором две розетки также составлены из треугольников (рис. 14). Интересно, что истоки рассматриваемых геометрических мотивов уходят вглубь веков вплоть до периода неолита.

Многочисленные исследования семантики древних образов показывают, что треугольник и ромб, начиная с эпохи позднего палеолита, могли быть символами плодородия [2, с. 84]. Один из многочисленных, но весьма красноречивых примеров, которые раскрывают возможное сакральное значение ромба в древней культуре – изображение этрусской богини из Старого Музея в Берлине, VII в. до н. э. (рис. 15). Здесь воспроизведены сразу два важнейших символа (в том числе и для сакральной культуры Кавказа) – рогатый череп и ромб. В сакральном искусстве Урарту ромб также имел первостепенное значение, о чем свидетельствуют копии археологической живописи в Эребуни из фондов ГМИИ им. Пушкина¹. Эти знаки сохранились в качестве благоприятных и приносящих всяческое изобилие вплоть до наших дней (в традиционно-бытовой культуре), о чем свидетельствуют многочисленные амулеты и талисманы в виде треугольников и ромбов, происходящие, например, с территории Дагестана.

Вот лишь несколько из большого количества примеров, которые демонстрируют преемственность в восприятии этих знаков в сакральной и традиционно-бытовой культуре, в частности на Кавказе. На бронзовом ритуальном поясе эпохи поздней бронзы (XII–

IX вв. до н. э.) из собрания Национального Музея Республики Южная Осетия в г. Цхинвал изображено шествие животных, биологическую идентификацию которых зачастую сложно определить из-за синкретичности (которая, возможно, является их сакральным признаком) [9]. Тела животных и промежутки между ними отмечены геометрическими знаками (среди которых ромбы, треугольники, квадраты) со штриховкой и без, с точками внутри и снаружи, вписанными друг в друга. Штриховка в форме ромбов или сетчатый орнамент встречается на ритуальных бронзовых топорах, относящихся к Кобано-Колхидской культурно-исторической общности. Один из примеров – ритуальный бронзовый топор из Фаскау (Северная Осетия) (VII в. до н. э.) [14, с. 134, рис. 5].

Штриховка на животе в виде треугольников встречается на некоторых ритуальных антропоморфных статуэтках I–II вв. н. э. с территории Грузии и Дагестана [2, с. 238–239].

Те же знаки (треугольники, ромбы, квадраты с вписанными в них треугольниками и т. д.) активно используются в качестве охранных в системе украшения традиционного дома (а также на одежде, коврах, как значимый элемент в женских украшениях и т. д.) у многих народов Кавказа (в частности, на Северном Кавказе и в западной Грузии). Они видны, к примеру, на деревянных предметах быта, происходящих из традиционного осетинского дома, из этнографического отдела музея «Дворец Ксанских эриставов» в г. Ленингор и на современной алтарной преграде из храма в Мосабруне на территории Республики Южная Осетия.

Интересно, что знаки, которые, возможно, являлись символами плодородия (ромб с точкой, ромб с отростками) [1] еще с эпохи неолита, были обнаружены в безымянной церкви в Гереме в ходе недавних исследований [15]. Храм сложно датировать, но, вероятно, его можно отнести к VIII в., хотя вопрос этот еще требует проработки [15].

Выводы. Несмотря на то что такие древние сакральные символы, как ромб, треугольник, квадрат с точками и без них использовались достаточно широко в разных культурах, начиная с эпохи неолита (а в некоторых случаях и раньше) и, зачастую, судя по

этнографическому материалу, в традиционных обществах вплоть до наших дней (в том числе достаточно активно и в христианском искусстве), можно выделить ряд общих признаков, которые позволяют провести параллели разного рода именно между территориями Кавказа и Каппадокии. Как отмечалось уже в предыдущих исследованиях [4], ряд изображений с территории Кавказа² и Каппадокии имеют в один и тот же исторический период (VIII–X вв.), хотя и будучи исполненными в разных техниках (рельефы и фрески), ряд общих черт. Изображения обычно выполнены в примитивном плоскостно-графическом стиле, образ создается при помощи минимального набора технических средств. В иконографическом репертуаре – изображения животных, биологическую принадлежность которых зачастую сложно определить, геометрические знаки, розетки. Эти изображения имеют истоки в древних культурах, сформировавшихся на территории Малой Азии, Кавказа и Ближнего Востока, начиная с эпохи неолита.

Возможно, что на устойчивое присутствие этих знаков в сакральной и традиционно-бытовой культуре Северного Кавказа и Западной Грузии оказала влияние Кобано-Колхидская культурно-историческая общность. Такие идеи (в первую очередь, относительно зооморфных образов) высказывал еще выдающийся ученый-кавказовед А.А. Миллер (1875–1935) [12]. Он же сформулировал ключевой для изучения древностей Кавказа тезис о «преемственности и непрерывности в развитии основных форм» материальных предметов в «кавказском яфетическом мире» «при сравнительно незначительных вариационных изменениях» [13].

В христианской среде в рассматриваемый период времени (VIII–X вв.) они, вероятно, выполняли апотропеическую функцию. Последнее предположение подтверждается тем (помимо данных этнографии), что в пространстве храма (по крайней мере на ряде изображений с территории Северного Кавка-

за и, отчасти, Грузии) они располагались на сакрально значимых местах перехода (на наличниках окон, на порталах дверей, во внешней облицовке, на алтарных преградах и т. д.). Геометрические мотивы (треугольник, ромб, квадрат) могли использоваться в этом качестве самостоятельно, а могли усиливать художественное и смысловое значение (служить декоративной рамой) других сакральных знаков (изображения животных, рогатых черепов, розеток и др.).

Росписи красными линиями по белому фону, штукатурке или на плоскости стены с территории Каппадокии, в частности изображения животных, насекомых, розетки и ассоциированные с ними изображения ромбов, треугольников и точек внутри, также, вероятно, имели охранную функцию [18, р. 15–18].

Вышеизложенные наблюдения интересны еще и в контексте изучения художественной культуры варварской периферии Византийской империи в период становления независимых от последней государств. Для развития этого сюжета особенно плодотворным кажется изучение характера культурного взаимодействия между различными регионами так называемого Христианского Востока (в нашем случае – Каппадокия и Малая Азия в целом как обширная контактная зона).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ По материалам доклада Р.Р. Вергазова «Открытие археологической живописи в Эрбуни. Хронология, изучение и атрибуция», прочитанного в рамках II Всероссийской научной конференции Востоковедные полевые исследования на базе ИВ РАН в г. Москва 20 апреля 2022 года.

² По преимуществу с тех территорий, которые входили в свое время в ареал распространения Кобано-Колхидской культурно-исторической общности, то есть нынешние горные районы западной Грузии (Сванетия, Верхняя Картли и др.), Абхазия, Республика Южная Осетия.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рис. 1. Неф верхнего яруса. Храм с колоннами. Гереме. Фото Д.В. Шевченко
Fig. 1. Nave of the upper storey. Church with columns. Göreme. Photo of D.V. Shevchenko

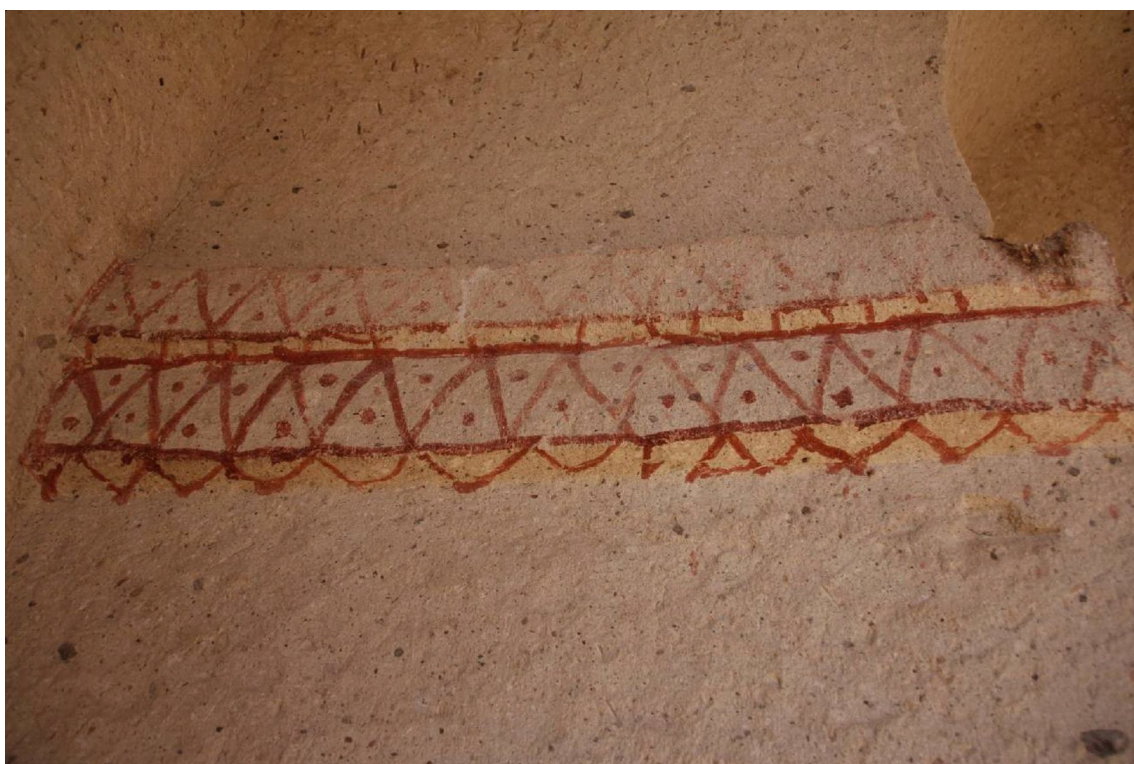

Рис. 2. Неф верхнего яруса. Храм с колоннами. Гереме. Фото Д.В. Шевченко
Fig. 2. Nave of the upper storey. The church with columns. Göreme. Photo of D.V. Shevchenko

Рис. 3. Нижний ярус. Вход в нартекс. Храм с колоннами. Гереме. Фото Д.В. Шевченко
Fig. 3. Lowerstorey. Entrancetothearthex. The church with columns. Göreme. Photo of D.V. Shevchenko

Рис. 4. Культурный объект из долины Киличлар. Гереме. Фото Д.В. Шевченко
Fig. 4. Cult object from Kiliçlar valley. Göreme. Photo of D.V. Shevchenko

Рис. 5. Частично разрушенный культовый объект. Долина Киличлар. Гереме. Фото Д.В. Шевченко
Fig. 5. Partly damaged cult object. Kiliçlar valley. Göreme. Photo of D.V. Shevchenko

Рис. 6. Частично разрушенный культовый объект. Долина Киличлар. Гереме. Фото Д.В. Шевченко
Fig. 6. Partly damaged cult object. Kiliçlar valley. Göreme. Photo of D.V. Shevchenko

Рис. 7. Частично разрушенный культовый объект. Долина Киличлар. Гереме. Фото Д.В. Шевченко
Fig. 7. Partly damaged cult object. Kiliçlar valley. Göreme. Photo of D.V. Shevchenko

Рис. 8. Западный вход. Церковь в Чавушине. Фото Д.В. Шевченко
Fig. 8. Western entrance. The church in Çavuşin. Photo of D.V. Shevchenko

Рис. 9. Плита из Джегеты, Сванетия [21, ill. 303]
Fig. 9. Block from Djegeta. Svanetia [21, ill. 303]

Рис. 10. Фасад церкви в Мушевани [21, ill. 188]
Fig. 10. Façade of the church in Muşevani [21, ill. 188]

Рис. 11. Восточный фасад церкви в Убиси. Имерети [21, ill. 191]
Fig. 11. Eastern façade of the church in Ubisi. Imereti [21, ill. 191]

Рис. 12. Плита из Тбета. Вмурована в стену больницы. Г. Цхинвал. Фото Е.Ю. Ендольцевой
Fig. 12. Block from Tbet. Embedded to the wall of a hospital. Tskhinval. Photo of E. Yu. Endoltseva

Рис. 13. Резной блок, вмурованный в стену заброшенной школы. Касагина. Фото Е.Ю. Ендольцевой
Fig. 13. Carved block embedded to the wall of an abandoned school. Kasagina. Photo of E. Yu. Endoltseva

Рис. 14. Резной блок. Южный фасад церкви в Дисеве. XVIII–XIX вв. Фото Е.Ю. Ендольцевой
Fig. 14. Carved block. Southern façade of the church in Disev, 18th–19thcc. Photo of E. Yu. Endoltseva

Рис. 15. Этресская богиня Ватика. Старый Музей в Берлине

Fig. 15. Etruscan goddess Vatica. The Old Museum in Berlin

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амброз, А. К. Раннеземледельческий культовый символ («ромб с крючками») / А. К. Амброз // Советская археология. – 1965. – № 3. – С. 14–28.
2. Брилева, О. А. Древняя бронзовая антропоморфная пластика Кавказа (XV в. до н. э. – X в. н. э.) / О. А. Брилева. – М. : ТАУС, 2012. – 424 с.
3. Голан, А. Миф и символ / А. Голан. – М. : Руслит ; Иерусалим, 1994. – 375 с.
4. Ендольцева, Е. Ю. Западное Закавказье и Каппадокия: некоторые иконографические параллели в период Македонской династии / Е. Ю. Ендольцева // Российская археология. – 2012. – № 3. – С. 109–115.
5. Ендольцева, Е. Ю. Синкретизм христианских и дохристианских верований на примере архитектурной пластики Северного Кавказа / Е. Ю. Ендольцева // Историко-культурное наследие Юга России : науч.-практ. конф., г. Ставрополь, 9 февраля 2015 г. – М. : Кн. мир, 2015. – С. 271–280.
6. Ендольцева, Е. Ю. Синкретические образы: изображение бычьей головы в архитектурной пластике христианских храмов на Южном Кавказе в период Средневековья / Е. Ю. Ендольцева // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2017. – № 2 (56). – С. 323–338.
7. Ендольцева, Е. Ю. Мотив головы барана в архитектурной пластике Кавказа X–XIV вв. / Е. Ю. Ендольцева // Аллоп. К 60-летию заслуженного деятеля науки РЮО профессора Ю. А. Дзиццойты. – М. : Ин-т востоковедения РАН ; Цхинвал, 2021. – С. 161–173.
8. Ендольцева, Е. Ю. Образ змеи-дракона в архитектурной декорации христианских храмов Кавказа в эпоху Средневековья / Е. Ю. Ендольцева // Россия. Грузия. Христианский Восток. Духовные и культурные связи : сб. ст. по материалам VIII Научных чтений, посвящ. памяти Д. И. Арсенишвили. – М. : Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева, 2021. – С. 167–177.
9. Ендольцева, Е. Ю. Зооморфные образы в архитектурной пластике Кавказа IX–XI вв. / Е. Ю. Ендольцева, А. Ю. Скаков // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия V: Вопросы истории и теории христианского искусства. – 2020. – Вып. 37. – С. 9–28.
10. Кузенков, П. В. Рождение Христианского Востока как трансформация эллинистической культуры / П. В. Кузенков // Рождение Христианского Востока. Этнокультурные взрывы Поздней Античности. Материалы круглого стола / под ред. К. А. Панченко. – М. : ЦЕИ РАН, 2021. – С. 8–24.
11. Меписашвили, Р. Архитектура нагорной части исторической провинции Грузии – Шида-Картли / Р. Меписашвили, В. Цинцадзе. – Тбилиси : Мецниереба, 1975. – 198 с.
12. Миллер, А. А. Изображение собаки в древностях Кавказа / А. А. Миллер // Известия Российской Академии истории материальной культуры. – 1922. – Т. II. – С. 294–310.
13. Миллер, А. А. Древние формы в материальной культуре современного населения Дагестана / А. А. Миллер // Материалы по этнографии. – Л. : Изд. Гос. Рус. Музея, 1927. – Т. IV, вып. 1. – С. 15–76.
14. Скаков, А. Ю. Орнаментированные топоры могильника Фаскау в Северной Осетии / А. Ю. Скаков // Древности Северного Кавказа. – М. : [б. и.], 1999. – С. 121–135.
15. Шевченко, Д. В. Половая символика в христианстве как архаический, культурный феномен (по материалам полевых исследований росписей в христианских храмовых росписях в Каппадокии. Турция) / Д. В. Шевченко // Мирозрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. – 2013. – № 6. – С. 179–191.
16. Шевченко, Д. В. Проблема идентификации зооморфного образа в рельефе церкви Святого Феодора Анакопийской крепости (Абхазия) / Д. В. Шевченко // Народы и религии Евразии. Этнология. Религиоведение. Археология. – 2017. – Вып. 3–4 (12–13). – С. 42–51.
17. Afrosiyob / сост. С. Мустафокулов, Д. Саидмуродов. – Самарканд : [б. и.], 2014. – 46 с.
18. Andaloro, M. Signs on the Rock. Red Paintings in the Valleys of Göreme and Kiliçlar (Turkey) / M. Andaloro [et al.] // Proceedings of International Congress of Speleology in Artificial Caves. Hypogea 2017. Cappadocia, Turkey, 6/10 March 2017 / ed. M. Parise [et al.]. – Istanbul : [s. n.], 2017. – P. 11–19.
19. Armenia sacra. Mémoire chrétienne des Arméniens (IV–XVIII siècles) / sous dir. J. Durand, I. Rapti, D. Giovannoni. – Paris : Somogy, 2007. – 471 p.
20. Brubaker, L. Aniconic decoration in the Christian World: East and West / L. Brubaker // Cristianità d'Occidente e cristianità d'Oriente: (secoli VI–XI). – Spoleto : Fondazione Centro Italiano di Studi sull'Alto Medioevo, 2003. – P. 573–590. – (Settimane di studio della Fondazione Centro Italiano di Studi sull'Alto Medioevo ; vol. 51).
21. Dadiani, T. Medieval Georgian Sculpture / T. Dadiani, T. Khundadze, E. Kvachatadze. – Tbilisi : George Chubinashvili National Research Centre for Georgian Art History and Heritage Preservation, 2017. – 375 p.
22. Jerphanion, G. de. Une nouvelle province de l'art byzantin. Les églises rupestres de Cappadoce. T. I, 1re partie / G. de Jerphanion. – Paris : Librairie orientaliste Paul Geuthner, 1925. – LXIV, 298 p.; T. I, 2e partie. – 1932. – VIII, 318 p.; T. II, 1re partie. – 1936. – 388 p., 45 fig.; T. II, 2e partie. – 1942. – VIII, 538 p.

23. Jolivet-Lévy C. Saint-Serge de Matiané, son décor sculpté et ses inscriptions / C. Jolivet-Lévy, N. Demesnil Lemaigre // *Travaux et mémoires*. – 2005. – T. 15 : Mélanges Jean-Pierre Sodini. – P. 67–83.

24. Jolivet-Levy, C. Byzantine Settlements and Monuments of Cappadocia: A Historiographic Review / C. Jolivet-Levy // *Eastern Christian Art*. – 2012–2013. – Vol. 9. – P. 53–62.

25. Jolivet-Lévy, C. De l'aniconisme en Cappadoce: Quelques réflexions à la lumière de découvertes récentes / C. Jolivet-Lévy // *L'aniconisme dans l'art religieux byzantin. Actes du colloque de Genève (1–3 octobre 2009)* / par M. Campagnolo [et al.]. – Genève : La Pomme d'or : Musées d'art et d'histoire de Genève, 2015. – P. 127–139, 271–284.

26. Kuehn, S. The Dragon in Medieval East Christian and Islamic Art / S. Kuehn. – Leiden ; Boston : Brill, 2011. – XII, 298 p., 92 p. pl.

27. Melvani, N. Apotropeia and Ornament: Late Byzantine Sculpture and the Migration of Pseudo-Arabic Writing / N. Melvani // *Atti. Accademia Roveretana degli Agiati. Ser. IX*. – 2018. – Vol. VIII, A. – P. 128–139.

28. Ousterhout, R. Remembering the Dead in Byzantine Cappadocia : The Architectural Settings for Commemoration / R. Ousterhout // *Architecture of Byzantium and Kievan Rus from the 9th to the 12th Centuries // Materials of the International Seminar. November 17–21, 2009*. – Saint Petersburg : The State Hermitage Museum, 2010. – P. 87–98. – (Transactions of the State Hermitage Museum ; vol. LIII).

29. Rodley, L. Cave Monasteries of Byzantine Cappadocia / L. Rodley. – Repr. – Cambridge : Cambridge University Press, 2010. – xviii, 266 p.

30. Teteriatnikov, N. The Frescoes of the Chapel of St. Basil in Cappadocia: Their Date and Context Reconsidered / N. Teteriatnikov // *Cahiers archéologiques*. – 1992. – № 40. – P. 99–113.

31. Thierry, N. De la datation des églises de Cappadoce / N. Thierry // *Byzantinische Zeitschrift*. – 1995. – Bd. 88. – P. 419–455.

REFERENCES

1. Ambroz A.K. Rannezemledelcheskiy kultovyy simvol («romb s kryuchkami») [Early Agricultural Cult Symbol (“Rhomb with Appendages”)]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], 1965, no. 3, pp. 14–28.

2. Brileva O.A. *Drevnyaya bronzovaya antropomorfnyaya plastika Kavkaza (XV v. do n.e. – X v. n.e.)* [Ancient Bronze Anthropomorphic Plastic of Caucasus (15th BC – 10th AD)]. Moscow, TAUS Publ., 2012. 424 p.

3. Golan A. *Mifi simvol* [Myth and Symbol]. Moscow, Russlit Publ., Jerusalem Publ., 1994. 375 p.

4. Endoltseva E.Yu. Zapadnoe Zakavkaze i Kappadokiya: nekotorye ikonograficheskie paralleli v period Makedonskoy dinastii [Western Transcaucasia and Cappadocia: Some Parallels in the Macedonian Period]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], 2012, no. 3, pp. 109–115.

5. Endoltseva E.Yu. Sinkretizm khristianskikh i dokhristianskikh verovaniy na primere arkhitekturnoy plastiki Severnogo Kavkaza [Syncretism of Christian and Pre-Christian Beliefs on the Example of Architectural Decoration of the North Caucasus]. *Istoriko-kulturnoe nasledie Yuga Rossii: nauch.-prakt. konf., g. Stavropol, 9 fevralya 2015 g.* [Historical and Cultural Heritage of Southern Russia. (Research and Practice Conference, Stavropol, 9 February 2015.)]. Moscow, Kn. mir Publ., 2015, pp. 271–280.

6. Endoltseva E.Yu. Sinkreticheskie obrazy: izobrazeniya bychey golovy v arkhitekturnoy plastike khristianskikh khramov na Yuznom Kavkaze v period Srednevekovyia [Syncretic Images: Image of Bull Head in Architectural Decoration of the Christian Churches in Southern Caucasus in Medieval Period]. *Problemi istorii, filologii, kultury* [Problems of History, Philology, Culture], 2017, no. 2 (56), pp. 323–338.

7. Endoltseva E.Yu. Motiv golovi barana v arkhitekturnoy plastike Kavkaza X–XIV vv. [Motif of Ram's Head in Architectural Decoration in Caucasus in the 10th–14th Centuries]. *Allon. K 60-letiyu zaslužennogo deyatelya nauki RYuO professora Yu. A. Dzitsioitti* [Allon. On the Occasion of the 60th Anniversary of the Honored Scientist of the Republic of South Ossetia, Professor Yu. A. Dzitstsoyty: Collective Monograph (Moscow, 2021; Tskhinval, 2021)]. Moscow, Institut vostokovedeniya RAN; Tskhinval, 2021, pp. 161–173.

8. Endoltseva E.Yu. Obraz zmei-drakona v arkhitekurnoy dekoratsii khristianskikh khramov Kavkaza v epokhu Srednevekovyia [Image of Snake-Dragon in the Architectural Decoration of Christian Churches in Caucasus in Medieval Period]. *Rossiya. Gruzija. Khristianskiy Vostok. Dukhovnye i kulturnye svyazi: sb. st. po materialam VIII Nauchnykh chteniy, posvyashch. pamyati D.I. Arsenishvili* [Russia. Georgia. Christian East. Spiritual and Cultural Ties. Collection of Articles Based on the Materials of the 8th Scientific Readings Dedicated to the Memory of D.I. Arsenishvili]. Moscow, Tsentralnyy muzey drevnerusskoy kultury i iskusstva imeni Andrey Rubleva, 2021, pp. 167–177.

9. Endoltseva E.Yu., Skakov A.Yu. Zoomorfnyye obrazy v arkhitekturnoy plastike Kavkaza IX–XI vv. [Zoomorphic Images in Architectural Decoration of Caucasus in the 9th – 11th Centuries]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Voprosy istorii i teorii khristianskogo iskusstva* [St. Tikhon's University Review. Problems of History and Theory of Christian Art], 2020, iss. 37, pp. 9–28.

10. Kuzenkov P.V. Rozhdenie Khristianskogo Vostoka kak transformatsiya ellinisticheskoy kultury [Birth of Christian East as Transformation of Hellenistic Culture]. Panchenko K.A., ed. *Rozhdenie Khristianskogo Vostoka. Etnokulturnye vzryvy Pozdney Antichnosti. Materiali kruglogo stola* [Birth of Christian East. Ethnocultural Explosions of the Late Antiquity. Proceedings of the Round Table]. Moscow, TsEI RAN, 2021, pp. 8-24.
11. Mepisashvili R., Tsintsadze V. *Arhitektura nagornoy chasti istoricheskoy provintsii Gruzii – Shida-Kartli* [Architecture of the Mountain Part of Georgia – Shida Kartli]. Tbilisi, Metsniereba Publ., 1975. 198 p.
12. Miller A.A. Izobrazenie sobaki v drevnostyah Kavkaza [The Dog Image in Antiquities of Caucasus]. *Izvestiya Rossiyskoy Akademii istorii materialnoy kultury* [News of the State Academy of History of Material Culture], 1922, vol. 2, pp. 294-310.
13. Miller A.A. Drevnie formy v materialnoy kulture sovremennogo naseleniya Dagestana [Ancient Forms in the Material Culture of Modern Population of Dagestan]. *Materialy po etnografii* [Materials on Ethnography]. Leningrad, Izd. Gos. Rus. Muzeya, 1927, vol. 4, iss. 1, pp. 15-76.
14. Skakov A.Yu. Ornamentirovannyye topory mogilnika Faskau v Severnoy Ossetii [Decorated Axes of the Faskau Grave in Northern Ossetia]. *Drevnosti Severnogo Kavkaza* [Antiquities of the Northern Caucasus]. Moscow, s. n., 1999, pp. 121-135.
15. Shevchenko D.V. Polovaya simvolika v khristianstve kak arkhaiskiy, kulturnyy fenomen (po materialam polevykh issledovaniy rospisey v khristianskikh khramovykh rospisyakh v Kappadokii. Turtsiya) [Sex Symbolism in Christianity as Archaic Cultural Phenomenon (on Materials of Field Researches of Frescoes in Christian Churches in Cappadocia, Turkey)]. *Mirovozzrenie naseleniya Yuzhnoy Sibiri i Tsentralnoy Azii v istoricheskoy perspective* [Worldview of the Population of the Southern Siberia and Central Asia in Historical Perspective], 2013, no. 6, pp. 179-191.
16. Shevchenko D.V. Problema identifikatsii zoomorfnoy obraza v relyefe tserkvi Svyatogo Feodora Anakopiyskoy kreposti (Abkhaziya) [Problem of Identification of Zoomorphic Image in Relief of the Church of St. Theodore in Anacopia Fortress (Abkhazia)]. *Narodi i religii Evrazii. Etnologiya. Religiovedenie. Arheologiya* [People and Religions of Eurasia. Ethnology. Religious Sciences. Archaeology], 2017, iss. 3-4 (12-13), pp. 42-51.
17. Mustafokulov S., Saidmurodov D., eds. *Afrosiyob*. Samarkand, s. n. 2014. 46 p.
18. Andaloro M. et al. Signs on the Rock. Red Paintings in the Valleys of Göreme and Kiliçlar (Turkey). Parise M. et al., eds. *Proceedings of International Congress of Speleology in Artificial Caves. Hypogea 2017*. Cappadocia, Turkey, 6/10 March 2017. Istanbul, s. n., 2017, pp. 11-19.
19. Durand J., Rapti I., Giovannoni D., eds. *Armenia sacra. Mémoire chrétienne des Arméniens (IV–XVIII siècles)*. Paris, Somogy, 2007. 471 p.
20. Brubaker L. Aniconic Decoration in the Christian World: East and West. *Cristianità d'Occidente e cristianità d'Oriente: (secoli VI–XI)*. Spoleto, Fondazione Centro Italiano di Studi sull'Alto Medioevo, 2003, pp. 573-590. (Settimane di studio della Fondazione Centro Italiano di Studi sull'Alto Medioevo; vol. 51).
21. Dadiani T., Khundadze T., Kvachatadze E. *Medieval Georgian Sculpture*. Tbilisi, George Chubinashvili National Research Centre for Georgian Art History and Heritage Preservation, 2017. 375 p.
22. Jerphanion G. de. Une nouvelle province de l'art byzantin. Les églises rupestres de Cappadoce. T. I, 1re partie. Paris, Librairie orientaliste Paul Geuthner, 1925. LXIV, 298 p.; T. I, 2e partie. 1932. VIII, 318 p.; T. II, 1re partie. 1936. 388 p., 45 fig.; T. II, 2e partie. 1942. VIII, 538 p.
23. Jolivet-Lévy C., Lemaigre Demesnil N. Saint-Serge de Matiané, son décor sculpté et ses inscriptions. *Travaux et Mémoires*, 2005, vol. 15: Mélanges Jean-Pierre Sodini, pp. 67-83.
24. Jolivet-Levy C. Byzantine Settlements and Monuments of Cappadocia: A Historiographic Review. *Eastern Christian Art*, 2012–2013, vol. 9, pp. 53-62.
25. Jolivet-Lévy C. De l'aniconisme en Cappadoce: quelques réflexions à la lumière de découvertes récentes. Campagnolo M. et al., eds. *L'aniconisme dans l'art religieux byzantin. Actes du colloque de Genève (1–3 octobre 2009)*. Genève, La Pomme d'or, Musées d'art et d'histoire de Genève, 2015, pp. 127-139, 271-284.
26. Kuehn S. *The Dragon in Medieval East Christian and Islamic Art*. Leiden; Boston, Brill, 2011. XII, 298 p., 92 p. pl.
27. Melvani N. Apotropeia and Ornament: Late Byzantine Sculpture and the Migration of Pseudo-Arabic Writing. *Atti. Accademia Roveretana degli Agiati. Ser. IX*, 2018, vol. VIII, A, pp. 128-139.
28. Ousterhout R. Remembering the Dead in Byzantine Cappadocia: The Architectural Settings for Commemoration. *Architecture of Byzantium and Kievan Rus from the 9th to the 12th Centuries. Materials of the International Seminar. November 17–21, 2009*. Saint Petersburg, The State Hermitage Museum, 2010, pp. 87-98. (Transactions of the State Hermitage Museum; vol. 53).
29. Rodley L. *Cave Monasteries of Byzantine Cappadocia*. Reprint. Cambridge, Cambridge University Press, 2010. xviii, 266 p.
30. Teteriatnikov N. The Frescoes of the Chapel of St. Basil in Cappadocia: Their Date and Context Reconsidered. *Cahiers archéologiques*, 1992, no. 40, pp. 99-113.
31. Thierry N. De la datation des églises de Cappadoce. *Byzantinische Zeitschrift*, 1995, Bd. 88, S. 419-455.

Information About the Author

Ekaterina Yu. Endoltseva, Doctor of Sciences (History of Art), Senior Researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Rozdestvenka St, 12, 107031 Moscow, Russian Federation, kendoltseva@okivran.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1558-2819>

Danil V. Shevchenko, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Institute of Foreign Languages of Shenyang Normal University, Wanghua South St, 21, 110044 Shenyang, China, shevchenko.danil1979@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9018-7280>

Информация об авторах

Екатерина Юрьевна Ендольцева, доктор искусствоведения, старший научный сотрудник, Институт востоковедения РАН, ул. Рождественка, 12, 107031 г. Москва, Российская Федерация, kendoltseva@okivran.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1558-2819>

Данил Викторович Шевченко, кандидат исторических наук, доцент, Институт иностранных языков, Шэньянский педагогический университет, Wanghua South Street, No. 21, Dadong District, 110044 г. Шэньян, Китайская Народная Республика, shevchenko.danil1979@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9018-7280>